

5. Гарри И. Тибетский вопрос и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016, № 4. С. 148–173. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-148-173
6. Донгак В. С. Этническая этничность у тувинцев: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2003.
7. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
8. История Тувы: в 2 т. 2-е изд. / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.
9. Ламажаа Ч. К. Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/862> (дата обращения: 10.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.3.3
10. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
11. Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей Этнологии, 2010. 360 с.
12. Сафронова Е. С. Современный буддизм в России как часть буддийской цивилизации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009, Т. 27. № 1. С. 73–84.
13. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): дисс. ... д-ра филос. н. Ростов-на-Дону, 2010. 369 с.
14. Хомушку О. М. Религия в истории культуры тувинцев. М.: б./и., 1998. 177 с.
15. Хомушку О. М. Трансформация добуддийских архетипов в процессе их взаимодействия с буддийскими представлениями в мировоззрении народов Саяно-Алтая // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центрально-азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности: в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. Ч. II. 280 с. С. 260–267.
16. Хомушку, О. М. Межконфессиональные отношения в Республике Тыва: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Российское объединение исследователей религии. URL: <https://rusoir.ru/03print-01/03print-01-34/> (дата обращения: 12.05.2019).

Невелёв М.Ю.

К истории одного межкультурного противостояния (опыт осмысления веры в христианстве)

*Московский государственный институт культуры
Адвокатская Палата Московской области*

Аннотация. Доклад посвящен проблемам межкультурного и межконфессионального противостояния и взаимовлияния. Отправной точкой в исследовании является попытка переосмыслить роль веры в системе ключевых положений христианской доктрины. Исследование основывается на предположении о наличии связи между некоторыми особенностями христианского подхода к проблеме мира и человека и формированием специфического терминологического аппарата в процессе развития и осмысления в европейской культуре религиозного опыта. Далее рассматривается влияние европейской мыслительной парадигмы на другие культурные регионы в ходе межкультурного взаимодействия. Переоценка роли веры в христианском учении влечет необходимость переосмысления роли данного концепта во всей системе знаний о религии и о природе религиозного чувства. В работе указаны направления проводимых исследований, виды исследований, представлены некоторые их результаты. Сделаны общие выводы, важные для осмысления религиозного опыта и религиозных институтов в обществе Позднего Модерна.

Ключевые слова: религия, вера, религиозная вера, верование, религиозный опыт, религиозный дискурс, межкультурное взаимодействие, статистический анализ текста.

Nevelev M.Yu.

On the history of one intercultural confrontation (experience of understanding faith in Christianity)

Moscow state Institute of Culture, lawyer Chamber of Moscow region

Abstract. The report is devoted to the problems of intercultural and interfaith confrontation and mutual influence. The starting point in the study is an attempt to rethink the role of faith in the system of key provisions of Christian doctrine. The study is based on the assumption that there is a connection between some features of the Christian approach to the problem of the world and man and the formation of a specific terminological apparatus in the process of development and understanding in the European culture of religious experience. The influence of the European thinking paradigm on other cultural regions in the course of intercultural interaction is further considered. Reassessment of the role of faith in Christian teaching entails the need to rethink the role of this concept in the entire system of knowledge about religion and the nature of religious feeling. The paper indicates the direction of research, types of research, presents some of their results. The General conclusions important for comprehension of religious experience and religious institutions in the society of the Late Modern are made.

Keywords: religion, faith, religious faith, belief, religious experience, religious discourse, intercultural interaction, statistical analysis of the text.

Всякое традиционное верование, можно предположить, само когда-то являлось нарушением традиции. Можно попытаться заглянуть за край и задаться вопросом: а всегда ли традиционное верование было собственно верованием. Одно из самых невероятных проникновений новизны в строй традиции связано с историей употребления самого слова «верование» («вера»), которое в значении «религиозная традиция» само носит исторический характер и является наследием одной, исторически весьма определенной традиции.

Сразу отметим, что такое употребление характерно сегодня не только для русского языка, и не только для языков европейской культуры, сегодня это общее правило, как будто бы не знающее границ между языками, культурными традициями, сферами влияния той или иной конфессиональной общности. И оправдание тому, что мы затеяли здесь разговор об этом предмете, состоит в понимании того, что такое положение дел вовсе не является правилом, как это неявно полагается сегодня, но является редчайшим исключением из правила, повсеместно вытеснившим само правило, так что даже память об изначальной естественной расстановке действующих факторов оказалась прочно заблокирована на длительный срок. Это оправдание — в стремлении сделать такое понимание сегодня достоянием научного сообщества.

Традиция, о которой идет речь, — это христианство. Рассмотрение христианской доктрины в рамках намеченной темы позволяет выявить в ней некоторую важную особенность, осмысление которой влечет переоценку ключевых моментов науки о религии и формирование нового взгляда на всю сферу религиозного.

Христианство в ряду других воспитательных и образовательных программ представляет собой исключительное явление по методу подачи своих положений.

С точки зрения метода работы с последователями всякая система такого рода (включая примитивные культы), может быть представлена в виде четырехчастной программы с последовательным по смыслу и по времени расположением частей.

Первая (собственно образовательная) часть — это анонс, презентация, «благая весть», здесь сообщается и воспринимается нечто важное о мире, о его основаниях, закладывается то, что мы назовем здесь условно субстанциальным моментом.

Вторая часть — это волевой акт, здесь полагается в основу то, что анонсируется в первой части, и принимается в качестве руководства к действию, это воспитание и самовоспитание, то есть собственно воспитательная часть.

Третья часть — это демонстрация и отладка, здесь осуществляется действие по определенным правилам и достижение определенных результатов (субстанциальный момент в действии в разных приложениях).

Четвертая часть — верификация — проверка истинности избранного пути с точки зрения достижения декларированных целей.

Здесь мы будем исходить из того, что субстанциальным моментом для христианства является именно вера.

Краткий обзор философских и религиозных систем показывает, что определенная точка зрения на мир всегда предполагает собственную декларацию субстанциального момента: вода, воздух, апейрон, атомы и пустота, число, гомеомерии, нус, логос, карма, дхармы, дао, инь-ян, вера, идея, материя, воля — это и многое другое в разные эпохи и в разных регионах рассматривалось людьми в качестве основы мироздания. До верификации дело доходило не всегда.

Уникальность и неповторимое своеобразие христианства, сыгравшее вероятно определенную роль в его судьбе, состоит в том, что все этапы, в том числе последний, отвечающий за достоверность результата и убедительность выводов, открываются здесь разом, одним и тем же ключом, и на каждом этапе обнаруживает свое действие непосредственно субстанциальный момент.

Обратим внимание, что полагание разума, идеи, знания или порядка в качестве руководства к действию не то же самое, что каждое из этих четырех: не разум сам по себе, не идея, не знание и не порядок, это в основе своей волевой акт.

Однако вера может быть положена пользователем как руководство к действию не иначе как путем применения самой веры. Это вера в веру, в самом полагании веры уже обнаруживается действие субстанциального момента, поскольку вера в отличие от знания, включает в себя волевое начало. «От веры в веру открывается в благовествовании Христовом правда Божия», — говорит Павел (не точная цитата) [9].

Другая важная составляющая веры: когнитивный момент. Верой может быть положено и принято за основу некоторое суждение («благая весть», «правда Божия»). Когда, говоря о христианстве, вспоминают о таких категориях как любовь и надежда, которые часто употребляются с верой в одном ряду и даже ставятся впереди веры (что, впрочем, имеет своим источником известный пассаж у Павла [8]), упускают из виду, что только вера из этих трех категорий включает гносеологический аспект и позволяет охватить и преодолеть разрыв между положениями доктрины и личными убеждениями ее сторонников. Поэтому ни любовь, ни надежда не составляют конкуренцию вере на этом участке, только вера способна обратиться на себя и стать своим собственным предметом. В то же время не случайно эти категории оказались в одном ряду: третья составляющая веры — эмоция. Вера, таким образом, троична, в вере сходятся три составляющие психической деятельности человека.

Таким образом, при некотором углублении в себя человек, внимающий христианскому проповеднику, без труда обнаруживает, что субстанциальный момент, о значимости которого заявлено в анонсе, уже давно задействован, и вера успешно применяется им самим естественным порядком.

Далее субстанциальный момент принимается в качестве руководства к действию, осуществляется жизнь под знаком веры.

На первый взгляд вера на данном этапе в силу своей вспомогательной природы как будто бы должна быть полностью заслонена своим предметом, на который она сиюминутно направлена и который в потоке жизни представляет собой переменную величину. Однако если внимательно приглядеться к апостольскому символу веры, то можно ощутить, что акт веры важен сам по себе, как бы безотносительно к предмету, он как бы сам и есть предмет: во всех сферах жизни (в церкви, государстве, семье, в быту) вменяемые лицу для исполнения обязанности должны стать теперь личными побуждениями, мотивами и желаниями. Средство из арсенала гносеологии, предназначенное для решения технической задачи (восприятия информации и обращения ее в знание), как будто бы сохраняет значимость за пределами этой задачи.

Ведь если бы речь шла только о техническом средстве, слово «вера» можно было бы опустить. Именно такое понимание и проистекающее из него требование к восстановлению

порядка, возвращающее веру в арсенал технических средств гносеологии, демонстрирует ислам, который в этом смысле представляет собой античную ревизию христианства: в шахаде слово «верую» отсутствует, там имеется слово «свидетельствую» (ашхаду), а расширенное толкование шахады добавляет к этому еще и «зная» и даже: «будучи твердо убежденным» [4, с.125]. Но в том-то и дело, что вера в апостольском символе веры — не техническое средство. Едва только начав сосредотачиваться на предмете христианской веры, наблюдатель немедленно оказывается в той складке христианского метафизического пространства, в которой триединый Бог в одной из своих ипостасей принял человеческий облик и умер, и лишь по истечении некоторого времени воскрес. Вот эти трагические часы, когда мир оставался без Бога, не забыты, и христианство, формулируя свои выводы, то и дело балансирует у опасной черты.

В этой опасной точке предмета веры нет, а есть только вера. Здесь ничего не известно о правилах жизни, они устанавливаются самим человеком, который изначально свободен от всяких правил. Его единственное бремя здесь — это вера, — вера самому себе, вера ближнему и дальнему, вера в Бога, о котором достоверно известно, что Он умирал и умер как человек, т.е. уходил безвозвратно. И это бремя в то же время благо как, безусловно, благотворно свободное волеизъявление, и оно легко, как легка свобода («Иго Мое благо, и бремя Мое легко» [2])

Покидая этот мир навсегда, Бог не оставил себе ничего из того, на что можно было бы полагаться твердо. Ему оставалось только верить и верить лишь безосновательно в то, что Его крестные муки, потом, когда Он не сможет уже влиять на ход земных дел, вызовут в человеке столь же чистое и свободное от каких-либо целевых связей сострадание, по которому как по тайному коду будет восстановлена и божественная, не связанная основанием вера, и божественная любовь к человеку, и, в конечном счете, божественная сила жизни, побеждающая смерть. И путь веры откроется для человека как путь, которым его Бог уже прошел до конца, и умер, и вот — непосредственно перед мысленным взором изумленного наблюдателя — восстает, устанавливая новый порядок в его внутреннем мире и смерть попирая. Конечно, он может отказаться от веры, но может ли наблюдатель не довести до конца замысел Бога, который он вдруг ощутил в себе самом как свое собственное устремление?

Таким образом, вера, возникнув как необходимый вспомогательный элемент в системе познания, в последующем, в процессе жизнедеятельности, осуществляемой под знаком веры, открывается как путь, завещанный Богом. Две веры встречаются, внутреннее совпадает с внешним, случайная догадка — с Промыслом.

Именно через это совмещение внешнего и внутреннего планов, макро- и микро- миров, через обнаружение божественного замысла в самой интимной и ничем не обусловленной глубине личного плана, достигается высшая степень достоверности доказательств и убедительности выводов в акте верификации, который завершается прежде, нежели начинается осознаться в качестве такового. Общее совпадает с частным, объективное с субъективным, круг замыкается под действием субстанциального момента.

Этот неожиданный разворот сокровенных тайн поименован здесь откровением. Это необычная материя: она не может быть принята субъектом для осмысления и изучения так, чтобы при этом сам субъект не оказался бы немедленно принят и заключен в стихию изучаемого и не подвергся бы со стороны этой стихии определенному воздействию в момент изучения. Эта программа всегда ориентирована на то, чтобы действовать здесь и сейчас, везде, где наблюдатель сосредотачивается на объектах этого специфического опыта (в том числе, вероятно, и там, где произносятся и прочитываются эти слова), она открывает перед ним свой разнообразный, балансирующий у опасной черты и, несмотря на это, необыкновенно привлекательный мир. Учение, представляя мир, неизбежно являет и самое себя как его неотъемлемый элемент и в самом себе — главную движущую силу мира — веру, которая непосредственно в момент представления обнаруживается как знак избрания и даже избранничества в самом ученике. Поэтому обучение христианству не есть процесс, отделенный от христианства и от исполненной христианства жизни, как предверие отделено от внутренней части дома и еще не является собственным домом, обучение с самого первого анонса включено в христианство и в христианскую жизнь, этот анонс, взятый в мгновенном вихре умопостигаемых

моментов, есть едва ли не самая суть жизни, разворачиваемой под знаком веры, т.е. одна из метаморфоз самой веры, которая здесь сама же себя и анонсирует.

Представленная картина обнаруживает исключительный творческий потенциал христианства. Мир, в котором отсутствуют какие бы то ни было правила, не оставляет выбора для какой-либо иной деятельности кроме творчества. Человеческий мир — это результат творчества («Творения»), и сам человек его главный объект. Только с этих позиций может быть понята революционная глубина этого дерзкого проекта: «Сделать обрезание в сердце...», — создать, ни много, ни мало, нового человека, — человека, у которого, по Павлу, «желание добра» и желание, «чтобы сделать оное», наконец, должны будут совпасть [10; 11].

За счет смещения временных моментов в описанной композиции вера стала больше самой себя (простого акта доверия и признания чего-либо истинным), превратилась в действующий фактор метафизического плана и далее — в культурный концепт, должная оценка которому сегодня, полагаю, все еще впереди. Это предмет, который реально был создан в творческом порыве и принят к использованию в качестве главного инструмента жизнедеятельности, в конечном счете, до такой степени вошел в духовный строй человеческой культуры, в научный и бытовой дискурсы, что даже межкультурные границы на протяжении длительного времени не позволили разглядеть его истинное происхождение.

Представленный ракурс обнаруживает особую роль веры в христианстве, понимаемой изначально именно как простой акт доверия и признания чего-либо истинным, и демонстрирует столь глубокую ее связь с евангельским сюжетом и неоплатонической традицией, то есть с узнаваемыми знаками исторического времени и места, что, даже не углубляясь в изучение аналогов европейской веры в иных культурах, уверенно можно утверждать, что такую веру мы не обнаружим здесь при всем старании.

Объем данной статьи не позволяет представить доказательства правильности сделанного предположения в должном объеме. Поэтому я вынужден ограничиться только кратким перечислением этих доказательств и тех специальных областей знания, откуда они могут быть почерпнуты.

Первое, куда мы обращаемся для того, чтобы найти подтверждение указанному предположению, это сравнительное языкознание.

Исследование здесь должно быть направлено на выявление особенностей употребления словесных знаков, используемых для обозначения такой составляющей религиозного опыта как вера и производных понятий, таких как «верование», «вероисповедание», «верующий» в различных грамматических формах, в том числе в глагольной форме, в европейских языках, с одной стороны, и в языках народов иных культурных традиций, с другой.

Ведь если относительно понимания роли веры в религии восточное сознание испытало некоторое влияние со стороны европейской культуры, то в восточных языках, несомненно, должны сохраниться следы навязывания европейского образа мышления. Еще большую информацию в этом плане могут дать древние языки.

Подобные исследования проводятся, результаты периодически публикуются [7, с.43-53]. В этих исследованиях были выявлены несколько важных критериев, позволяющих обнаружить отличие положения дел в данной области в христианской среде от такового в иных культурных регионах.

Для европейских языков за незначительным исключением характерно сохранение первоначального смысла у лексического носителя, обозначающего веру религиозную (первоначальный смысл — это акт доверия), и главным показателем такого сохранения выступает наличие у соответствующего слова глагольной формы. (Верить это не то же самое, что обладать верой; при отсутствии глагольной формы можно не заметить, что за веру принимается носитель самого причудливого и неопределенного соединения смыслов, среди которых присутствие веры носит случайный или вовсе ошибочный характер). Выявлены и некоторые иные менее значимые критерии: отсутствие заимствований, значительных синонимических рядов, многозначности лексических знаков и некоторые другие. Получены интересные результаты. По указанному критерию, если брать только государственные языки

Европы и других христианских народов, обнаружены только два явных исключения из 38 (мальтийский и грузинский языки), т.е. правило соблюдается на 95%. Обследование иных регионов дает совершенно иные результаты. Так обследование регионов относительно позднего влияния христианства дало результат 50%. Что это? — исключение из европейского правила, подтверждающее его, или — «ветер с востока», обнаруживающий проявление другой, еще более древней парадигмы — вопрос, настоятельно требующий разрешения. Во всяком случае, пробная (неполная) выборка по мусульманскому региону (языки арабский, турецкий, албанский, азербайджанский, татарский, узбекский, киргизский, казахский, таджикский, персидский, малайский, индонезийский, урду) дала цифру — 15%.

Параллельно должна проводиться работа по выявлению точного насколько возможно смысла употребления соответствующих лексических носителей в древних текстах (в первую очередь, в отношении лексического знака «шраддха» — для индийской традиции, и в отношении знака «синь» — для дальневосточного региона), а также нюансов при использовании этих единиц в различных философских школах. По последнему носителю эта работа в значительной части уже проведена и отражена в справочных изданиях [6], по первому знаку тоже имеются интересные результаты. Постоянно пополняемый материал не дает основания усомниться в правильности выдвинутой гипотезы.

Другая область исследования — статистический анализ древних и современных текстов. Уже первые исследования дали хорошие результаты. Так, вероятность (частотность) появления слов с корнем «вер» в Новом Завете превышает вероятность их появления в Ветхом Завете на порядок (в 20 раз), в современном русском языке — в 4 раза, в трактате Цицерона — в 3 раза (везде брались русские переводы). Если не учитывать некоторые неинформативные слова, то, результаты получаются еще более выразительными (соответственно, — 30, 7 и 5) [7, с.51]. Также проводился статистический анализ в отношении различных способов отношений с Богом (богами), выявлена интересная динамика: вера в подобных контекстах в христианской литературе не только вырастает количественно, но и вытесняет страх [7, с.52].

Третье направление — анализ историко-философского материала. Известно, что европейская античность за незначительным исключением, связанным с работами платоников второй волны (Аркесилай, Карнеад [1, с.177]) повсеместно и тотально молчит о вере, даже в таких пассажах как защитная речь Сократа в суде против обвинения в безбожии. Данное очевидное обстоятельство также до сих пор не нашло должной оценки. Представленная гипотеза позволяет по новому увидеть и оценить давно известные в истории философии факты и тенденции: так, концепция знания в средневековом исламе представляется как одна из попыток ревизии христианских тенденций на предмет возвращения к старой парадигме. Новых оценок ждет теория двойственной истины, история многовековой дискуссии о соотношении веры и знания.

Наконец, переоценка роли веры обуславливает необходимость пересмотра общих представлений о природе религии и религиозного чувства.

Общие выводы по результатам исследований в указанных направлениях могут быть сформулированы уже сегодня, их важность для современного понимания религиозных явлений трудно переоценить. Эти исследования ясно показывают, что так называемое религиозное чувство:

- не является каким-то особым чувством или эмоцией, отличным от обычных эмоций и чувств;

- не сводится к вере, которая представляет собой простой акт доверия;

- представляет собой широкий спектр чувств;

- представляет собой оттенки чувств, располагающихся в ряду между двумя полюсами от крайней степени негативной эмоции (страха на грани сильнейшего стресса и глубочайшей депрессии) до высшей степени позитивной эмоции (избавление от смертельной опасности, достижение бессмертия);

- не может быть объектом такого посягательства как оскорбление (религиозное чувство не может быть оскорблено);

мыслится сегодня в такой форме, которая представляет собой результат необоснованной типизации некоторых особенностей христианской доктрины.

Различные трактовки веры как особого состояния психики, особого свойства психики, автономного психического феномена, некоторого фундаментального состояния сознания, особой реальности, приводимые в различных исследованиях, а также в учебниках [5, с.5; 3, с.87, 92, 484], полагаю, должны быть оставлены в прошлом.

Литература

1. Виндельбанд В. История философии. Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1997. — 553 с.
2. Евангелие от Матфея, глава 11, стих 30. URL: <https://tv-soyuz.ru/peredachi/chitaem-evangelie-vmeste-s-tserkovyu-14-iyulya-2016g> (Дата обращения: 05.09.2019).
3. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология (в двух частях). Часть 1 Общая психология. Учебник. — М.: Юридическая литература, 1996. — 512 с.
4. Ислам. Краткий справочник. 2-е изд., дополн.: М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. — 139 с.
5. Морозова М.Ю. Коллективное верование как предмет социально-философского исследования. Монография. — Ковров: КГТА, 2001. — 315 с.
6. Мультимедийная энциклопедия. URL: <http://www.cyclopediya.ru/55/209/1981187.html> (Дата обращения: 05.09.2019).
7. Невелёв М. Ю. Бремя сознания. Я-представление в содержании религиозного опыта. Культурологическое исследование. М.: ЛКИ, 2008. — 168 с.
8. Первое послание апостола Павла к Коринфянам, глава 13, стих 13. URL: <http://bible.optina.ru/new:1kor:13:13> (Дата обращения: 05.09.2019).
9. Послание апостола Павла к Римлянам, глава 1, стих 17. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_63/1 (Дата обращения: 05.09.2019).
10. Послание апостола Павла к Римлянам, глава 2, стих 29. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Rom.2> (Дата обращения: 12.09.2019).
11. Послание апостола Павла к Римлянам, глава 7, стих 18. URL: https://days.pravoslavie.ru/Bible/B_rim7.htm (Дата обращения: 05.09.2019).